

меньшинство). То есть термин, приобрета совершенно новый смысл, сохранил оттенок морального превосходства (Кнабе Г.С. «Multi bonique» и «rauci et validi» в римском сенате в эпохи Нерона и Флавиев // ВДИ. – 1970. – № 3. – С. 63-85, особ. 71-78).

Резюме

Токарев А.М. Порівняльний аналіз термінів «optimates» та «boni» (до питання про політичні угруповання в епоху Пізньої римської республіки).

У статті здійснено спробу провести порівняльний аналіз латинських термінів *optimates* та *boni*. На думку автора, ці поняття були для римлян рівнозначними та синонімічними. Вони були найменуванням невеликих аристократичних котерій або окремих політиків (також вихідців з римської аристократії), які спиралися у своїй політичній діяльності на сенат та розділяли загальні для них ідеї щодо захисту їх привілейованого положення та керування державою.

Филиппов А.М.

АФИНО-СПАРТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 404 – 395 ГГ. ДО Н. Э.

С образованием Делосской симмахии и ростом афинского могущества взаимоотношения Афин и Спарты стали развиваться в рамках острого политического соперничества, оказавшего сильное влияние на развитие большинства греческих полисов. Очень часто афиняне и спартанцы были сопричастны к политическим противоречиям между различными эллинскими государствами. Разрешение этих противоречий во многом зависело от характера афино-спартанских отношений, которые, естественно, не всегда были стабильными и равноправными. Так, после окончания Пелопоннесской войны разница в политическом статусе Афин и Спарты впервые оказалась настолько огромной, что это дестабилизировало всю систему межгосударственных связей в Элладе и обеспечило на некоторое время неограниченную гегемонию спартанцам. Вместе с тем, крушение афинского могущества и возвышение Лакедемона способствовали на протяжении 404 — 395 гг. до н. э. и развитию антигегемонистских

настроений в греческом мире. Политический дуализм в мире эллинских полисов, выраженный в V в. до н. э. противостоянием Афинского морского союза и Пелопоннесской симмахии, в первой половине следующего столетия трансформировался в столкновение Спарты и антиспартанских коалиций. Определенная роль в разжигании этого конфликта, безусловно, принадлежит как Спарте, так и Афинам, в отношениях между которыми в конце V в. до н. э. произошли важные изменения. Поэтому понимание политической истории Древней Греции в первой половине IV в. до н. э. вряд ли возможно без исследования афино-спартанских отношений в 404 – 395 гг. до н. э. и определения роли Афин и Спарты в развитии межгосударственных связей.

Основу изучения афино-лакедемонских отношений между окончанием Пелопоннесской и началом Коринфской войн составляют свидетельства Ксенофонта¹ и Диодора Сицилийского², а также фрагмент из "Греческой истории", найденный в 1906 году в Оксирихе³. Наряду с этими источниками, важную информацию передают биографии политиков, произведения ораторского искусства IV в. до н. э., трактаты на различную тематику, эпиграфика. Следует отметить, что нарративные источники весьма скудно освещают афино-спартанские отношения в 404 – 395 гг. до н. э.. Однако другие источники во многом дополняют сообщения Ксенофонта и Диодора Сицилийского и уточняют некоторые аспекты афино-лакедемонских связей. Поэтому комплексное использование различных источников в исследовании афино-спартанских отношений в 404 – 395 гг. до н. э. имеет чрезвычайно принципиальное значение.

Тема афино-спартанских отношений в классическую эпоху относится к числу наименее разработанных в научной литературе проблем. Хотя некоторые аспекты афино-спартанских отношений и рассматриваются как в общих обзорах⁴, так и в работах, непосредственно посвященных различным проблемам межгосударственных коммуникаций конца V – начала IV вв. до н.э.⁵, сами отношения между Афинами и Спартой не являются предметом специальных исследований, а используются в контексте иных тем. В советском антиковедении в самостоятельной постановке эта тема была представлена лишь некоторыми работами

В.М. Строгоцкого⁶. Между тем, специальное изучение взаимоотношений Афин и Спарты в 404 – 395 гг. до н. э. позволяет лучше разобраться во многих особенностях политического развития Эллады в межвоенный период и, следовательно, приблизиться к пониманию специфики межгосударственных связей в период Коринфской войны. В данной работе предпринимается попытка анализа афино-спартанских отношений как самостоятельного политического феномена.

Победа Спарты в Пелопоннесской войне означала установление необычайно сильного влияния спартанцев на внутреннюю жизнь афинского полиса. Подтверждение этому можно найти в рассказе Ксенофонта, где подробно изложены события 405 – 404 гг. до н. э. (Hell., III, 2,8 – 3,3). С точки зрения спартанского правительства, вмешательство Лисандра в государственные дела афинян, очевидно, поначалу выглядело целесообразным. В самой Спарте, вероятно, в целом одобряли деятельность Лисандра в подвластных полисах, где он, опираясь на местных олигархов, укреплял основы личной власти. В конце V в. до н. э. Афины перестали играть ведущую роль в политической жизни Эллады. Ссылаясь на рассказ Ксенофонта о переговорах между афинянами и спартанцами накануне капитуляции Афин (Hell., III, 2,11 – 21), Ч. Гамильтон справедливо полагает, что в то время влияние Лисандра превосходило даже авторитет царя Агиса⁷. Летом 404 г. до н. э. с помощью шантажа Лисандр сумел заставить афинское народное собрание выбрать удобное ему правительство из тридцати человек (Diod., XIV,3; Lysias., VI, 71–76; Plut., Lys., 15 – 16; Xenoph. Hell., II, 3, 3). В качестве гармоста в Афины был назначен Каллибий – креатура Лисандра, а в самом городе разместился спартанский отряд (Aesch., II, 77; 176; Isocr., VII, 65; VIII, 92; Plut., Lys., 15; Xenoph. Hell., II, 3, 13 –14). Содержание лакедемонян производилось олигархами за счет конфискованного имущества метеков (Lysias., VI, 67; Xenoph. Hell., II, 3, 21.). Таким образом, режим Тридцати вполне мог рассчитывать на поддержку спартанцев, поскольку устраивал их как гарант мирного договора. Но в Аттике, где были сильны демократические традиции, жесткая модель государственного устройства оказалась нежизнеспособной. Политика, проводимая правительством Тридцати, сокращала социальную базу режима, увеличивала число афинских изгнанников. Источники

указывают на географию иммиграции, называя наиболее значимые в политическом отношении регионы греческого мира: Кипр, Фивы, Аргос, Мегару (Demosth., XV, 22–23; Diod., XIII, 106, 6; XIV, 6; Isocr., IX, 51; Iustin., V, 9, 3; Nepos., Alc., 9–10; Plut., Artax., 21, Lys., 27; Xenoph. Hell., II, 4,1). Хотя спартанцы и обзывали греческие государства не укрывать изгнанников и принуждать их к возвращению на родину, некоторые полисы все-таки предоставили афинянам убежище (Din., IV, 25; Diod., XIV,6; Iustin., V, 9, 3; Plut., Lys., 27). Аргос, Фивы и Мегара были первыми городами, обнаружившими недовольство Спартой и таким образом бросившими ей вызов ⁸.

Спартанское руководство беспокоил нараставший в греческом мире резонанс, вызванный олигархическим террором. Победа в Пелопоннесской войне поставила перед Спартой небывалую по своим масштабам задачу — политическую реорганизацию территорий, ранее подвластных Афинам. Лисандр приступил к созданию новой Архэ, которая представляла собой систему городов-клиентов, связанных с гегемоном посредством олигархических декархий и гармостов ⁹. Хотя антидемократическая политика Лисандра вполне соответствовала традициям Спартанского государства, ее методы вскоре вызвали недовольство даже в Спарте ¹⁰.

Вероятно, к началу 403 г. до н. э. спартанцы стали понимать, что в отношении афинян неприемлемы методы, пригодные для управления другими греками. Однако проигнорировать гражданский конфликт в Аттике спартанцы уже не могли: раскол афинской олигархической партии на «городскую» и «элеусинскую» группировки ставил под удар спартанские интересы в Аттике, а весьма вероятная победа демократов во главе с Фрасибулом отразилась бы на авторитете Спарты и могла послужить примером для демократической оппозиции в других греческих полисах. Поэтому летом 403 г. до н. э. спартанцы откликнулись на призывы о помощи, которые последовали как от крайних, так и от умеренных олигархов (Xenoph. Hell., II, 4,28).

Следует отметить, что спартанский экспедиционный отряд практически не принимал активного участия в боевых действиях, выполняя скорее миротворческую функцию. Лакедемоняне, которыми теперь руководил царь Павсаний, сохраняли активное

невмешательство во внутренний конфликт. Так, осенью 403 г. до н. э. между противниками было заключено перемирие, за рамками которого остались элевсинские олигархи. Павсаний не настаивал на сохранении «заветов отцов», то есть, олигархического строя, к чему Лисандр склонил афинян летом 404 г. до н. э. (Aristot., Ath. Pol., 34, 3). Подобные политические метаморфозы вряд ли казались спартамцам безопасными: в политической жизни Афин всегда присутствовали элементы анархии¹¹ и сохранялась опасность олигархических переворотов; можно было навязать неудобное афинскому демосу правительство, но длительное время поддерживать угодных ставленников спартамцам не представлялось реальным. Безусловно, неслучайное отстранение Лисандра от руководства экспедицией и назначение Павсания следует рассматривать как результат политической борьбы в самой Спарте¹². Таким образом некоторые политические группировки добивались того, чтобы ослабить позиции Лисандра и не допустить возвращения к власти в Афинах лично связанных с ним олигархов¹³. Урегулирование конфликта при посредничестве Павсания и восстановление демократии также означало отказ от той опасной политики, которую ранее проводил Лисандр в отношении Афин. Ведь побежденные и униженные афиняне, лишённые военного потенциала и союзников, но не утратившие авторитет в эллинском мире, при благоприятных обстоятельствах могли бы восстановить этот потенциал и снова приобрести сторонников. Поэтому лакедемоняне обязаны были сохранять контроль над Афинами и обеспечить действие мирного договора 404 г. до н. э. До тех пор, пока в Аттике шла гражданская война, ни одна из враждующих партий не могла гарантировать этого. Спартамцы считали также опасным разрушить Афины, как ранее советовали их союзники беотийцы и коринфяне (Isocr., XIV, 6; Iustin., V, 8, 4; 10, 12; Paus., III, 10; Xenoph. Hell., II, 2, 19; VI, 5, 35; 46): Спарта нуждалась в противовесе набиравшим политическую силу Беотии и Коринфу. Эти союзники традиционно занимали относительно самостоятельные позиции в Пелопоннесской симмахии: например, накануне Архидамовой войны и после Никиева мира (Thuc., I, 67 — 71; 119 — 124; V, 7 — 32; 36 — 39).

С окончанием гражданской войны в Аттике в конце 403 г. до н. э. в афино-спартанских отношениях начинается период стабилизации и редкой лояльности. Умеренные демократы во главе с Фрасибулом обеспечивали выполнение Афинами мирного соглашения 404 г. до н. э. и сдерживали афинян от каких-либо антиспартанских акций. Так, например, в народном собрании обсуждался вопрос о возврате спартанцам долга в 100 талантов, которые одолжили олигархи во время гражданской войны. Тогда радикальная демократическая группировка выступила против выплаты долга из государственной казны, но экклесия, опасаясь реакции со стороны лакедемонян, постановила деньги вернуть (Aristot., *Ath. Pol.*, 39, 5; Isocr., VII, 68; Xenoph. *Hell.*, II, 4, 28). Иные факты относятся к союзническому участию афинян в военных акциях Спарты. Так, афинский отряд участвовал в карательной экспедиции против Элиды в 401–400 гг. до н. э. (Diod., XIV, 17, 6–9; Xenoph., *Hell.*, III, 2, 25). Политический смысл привлечения афинян к этой акции, очевидно, заключался в том, что элейцы были союзниками Афин по антипелопоннесской коалиции 420 – 418 гг. до н. э. (Thuc., V, 43, 3; 44; 47; 78) и спартанцы таким способом старались предотвратить возможное сближение между двумя государствами. Афиняне также посылали своих воинов в союзническую армию, которая воевала с персами в Малой Азии. Известно, что в конце 400 г. до н. э. спартанский полководец Фиброн запросил у афинян 300 всадников, на что было дано согласие (Xenoph., *Hell.*, III, 1, 4).

О наличии какой-либо оппозиции спартанцам в Афинах источники сообщают крайне скупо. Вероятно, масштаб этой оппозиции в послевоенной Аттике не был значительным, причиной чего могла являться и, в частности, политическая индифферентность, охватившая широкие слои афинского общества¹⁴. В начале IV в. до н. э. в Афинах существовала руководимая Эпикратом и Кефалом партия, очевидно, крайней демократической направленности, которая стремилась к разрыву отношений с лакедемонянами (*Hell. Оху.*, 2, 2). Об Эпикрате по прозвищу «Щитonosец» в связи с афино-персидскими переговорами во время Коринфской войны упоминают Плутарх (*Pelop.*, 30), Платон (*Comicus fr.*, 119) и Демосфен (XIX, 277; 280). Фрагмент из

оксиринхской «Греческой истории» повествует о связях некоторых афинян с Кононом и неудачном посольстве во главе с Гиппократом, Агнием и Телесагором к персидскому царю, которое задержал спартанский наварх Фарак. Как полагает И. Брюс, миссия к Артаксерксу II была отправлена в 397 г. до.э.¹⁵. Но если упоминаемый в оксиринхском папирусе Фарак (Φάραξ ο πρότερον ναβαρχος) и соратник Лисандра, казненный по обвинению в противозаконном хранении денег (Plut. Lys. 19, 7), одно и то же лицо, то становится ясным, что неудачное посольство афинян было отправлено не позже 403 г. до н. э.¹⁶.

Тем не менее, позиции афинской радикальной демократии в первые послевоенные годы не были прочными. В то время экстремизм группировки во главе с Эпикратом и Кефалом уравновешивался влиянием умеренных демократов¹⁷. Об этом можно судить по эпизоду об отплытии к Конону афинской триеры под командованием Деменета и попытке ее перехвата гармостом Милоном (Hell. Оху., 1;3). В источнике говорится, что отправление афинской триеры «не было решением *народного собрания*; это произошло по личной инициативе Деменета, ее начальника, как говорят, с *тайного* одобрения совета» (здесь и далее перевод С.Я. Лурье, курсив мой— А.Ф.) (Hell. Оху., 1). Далее тот же источник сообщает о выступлении вождей умеренной демократии, склонивших эkkлeсию к отречению от действий Деменета, и о реакции афинян: «все почтенные и умеренные афиняне негодовали, указывая, что это бросает тень на государство и может послужить началом *войны с лакедемонянами*» (Hell. Оху., 2 – 3). Известив Милона о происшествии, афиняне как бы подтверждали союзнический договор 404 г. до н. э. Таким образом, в тот момент афиняне стремились к сохранению лояльных связей со Спартой и воздерживались от каких-либо провокационных действий по отношению к ней, что вполне соответствовало внешнеполитическому курсу Афин первых послевоенных лет.

Следует отметить, что рассказ об этом факте в тексте предшествует месту, с которого начинается изложение событий следующего, восьмого года спартанского владычества. Комментируя одно испорченное место в тексте Ксенофонта (Hell., II, 3, 8 – 9), С.Я. Лурье предположил, что тот считал концом

Пелопоннесской войны окончание гражданской смуты в Аттике в 403/402 г. до н. э. Следовательно, началом лаконского владычества, по Ксенофону, должен считаться 402/401 г. до н. э., а составитель оксиринского текста позаимствовал этот отсчет¹⁸.

Таким образом, если принять замечание С.Я. Лурье, эпизод с триерой Деменета произошел незадолго до 395/394 г. до н. э. Очевидно, близкой датировки придерживается Г. Бокиш, указывая в каталоге гармостов 395 г. до н. э. как время пребывания на должности Милона¹⁹. Основанная на предположении С.Я. Лурье датировка отплытия Деменета представляется нам малоубедительной. Ни в одном месте «Греческой истории» мы не находим подтверждения того, что именно такой отсчет спартанского владычества использовал Ксенофонт, который указывал на присутствие в Афинах гармоста и спартанского гарнизона уже летом 404 г. до н. э. Разница в отсчете лет господства лакедемонян в Афинах между корреляцией С.Я. Лурье и моментом размещения их отряда в Аттике существенная – 2 года. Следовательно, эпизод с триерой случился перед восьмым годом *фактического* господства лакедемонян (с момента их размещения в Афинах), то есть ранее 397/396 г. до н. э.

В пользу датировки эпизода с отплытием Деменета не позднее 397/396 г. до н. э. может свидетельствовать сообщение Павсания об отказе афинян участвовать в экспедиции Агесилая весной 396 г. до н. (III, 9, 2). Афиняне отстранились от участия в войне с Персией под весьма неубедительным предлогом: якобы, их государство еще не восстановилось после Пелопоннесской войны и язвы. Однако несколькими годами ранее по просьбе Фиброна Афины направили 300 всадников в союзную армию и участвовали в экспедиции против Элиды. Если тогда афиняне выполняли союзнические обязательства перед лакедемонянами, не считаясь с внутренними трудностями, то с началом 396 года их уже тяготило такое союзничество. Павсаний утверждает, что афиняне через вестника узнали о приготовлениях Конона в Персии и потому сохраняли спокойствие. К этому следует добавить, что фиванцы – потенциальные союзники афинян – также отказались от участия в войне с персами и были крайне враждебно настроены по отношению к Спарте (Paus., III, 9, 2). Поэтому представляется

маловероятным, чтобы экклесия в Афинах сперва приняла радикальное решение, а затем постановила выдать Деменета спартанскому гармосту из-за опасения провокации. Следовательно, эпизод с триерой должен был предшествовать уклонению афинян от предприятия Агесилая весной 396 г. до н. э.

Очевидно, за отказ от исполнения союзнических обязательств в афинской экклесии выступали как радикалы, так и умеренные демократы. А их оппонентами могли являться представители умеренной олигархии, среди которых были широко распространены лаконофильские настроения. В тот момент подобная (наверняка, вынужденная) позиция умеренных демократов снижала политическую напряженность, нагнетаемую радикалами, и одновременно удерживала афинский демос от принятия рискованных решений. О нарушении остальных пунктов соглашения 404 г. до н. э. источники умалчивают, вероятно, из-за того, что афиняне их и не нарушали, просто не имея для этого возможностей. По сути радикальный отказ, пусть даже под таким благовидным предлогом, надо полагать, настораживал спартанцев. Отсутствие открытых враждебных действий со стороны афинян и война с персами сдерживали Лакедемон от каких-либо карательных санкций. К сожалению, по данным имеющихся источников невозможно с точностью определить момент, когда афиняне оказались готовы к принятию радикальных решений. Вероятно, он мог наступить в промежутке между летом 397 и весной 396 гг. до н. э. и был связан с антиспартанской деятельностью Конона.

До осени 395 г. до н. э. между Афинами и Спартой, очевидно, сохранялись относительно лояльные отношения (или их видимость). Во всяком случае, афиняне не придерживались политики «враждебного не-сотрудничества» (hostile non-cooperation)²⁰, пока в Афинах сохранялся баланс влияния радикальных и умеренных группировок. Но перспектива дальнейшего развития афино-спартанских связей неизбежно сводилась к их разрыву. Рост антиспартанских настроений в Элладе увеличивал число потенциальных союзников и создавал возможности для выхода Афин из-под юрисдикции невыгодного договора 404 г. до н. э. Это понимали и умеренные демократы во главе с Фрасибулом, в среде которых также могли процветать

антиспартанские настроения. Обострение политической ситуации в Элладе летом 395 г. до н. э., связанное с локро-фокидским конфликтом, подтверждало такие возможности. Заключение соглашения между Афинами и беотийцами (Xen., Hell., III, 5, 16 – 17) и последовавшие затем события привели к образованию антиспартанской коалиции, существование которой в последующие десятилетия сохраняло в системе межгосударственных связей политический дуализм.

Таким образом, приступая к формированию собственной Архэ в конце V в. до н. э., Спарта должна была выработать оптимальную политику как в отношении полисов подвластных Афинам, так и собственных союзников. Учитывая политическую специфику Афин, спартанцы в конечном итоге сумели добиться этого в отношении афинян. Смысл стабилизации афино-спартанских связей для Спарты состоял в том, чтобы одновременно и воспрепятствовать усилению афинян, и использовать их в качестве военных союзников. При этом афино-спартанские связи основывались на традиционных принципах сотрудничества в Пелопоннеской симмахии: *исключительно двусторонних* обязательствах между гегемоном и остальными союзниками. Так Спарта ограничивала политическую самостоятельность Афин. Однако любой политико-правовой дисбаланс в отношениях между Спартой и афинянами подогревал антилаконские настроения в Аттике. И такой дисбаланс после 404 г. до н. э., безусловно, был вызван огромной разницей в политическом статусе Спарты и Афин. Недовольство греческих полисов гегемонией лакедемонян стимулировалось деятельностью как антиспартанской оппозиции в Афинах, так и афинских эмигрантов. Формирование антиспартанской коалиции и неизбежное привлечение в нее Афин привели к разрыву афино-спартанских отношений осенью 395 г. до н. э.

Примечания

¹ *Xenophon. Xenophontis opera omnia. Vol. 1 / Ed. E.C. Marchant. – Oxford, 1900.*

² *Diodorus Siculus. Diodorus of Sicily in Twelve Volumes with an English Translation by C. H. Oldfather. Vol. 4-8. – Cambridge; London, 1989.*

³ *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Т. II. – Berlin; Leiden, 1926. – С. 17-35.

⁴ *Bury J.B., Meiggs R.* A history of Greece to the death of Alexander the Great. – London, 1975. – P.318-338; *Davies J.K.* Democracy and classical Greece. – Sussex; Atlantic Highlands (N.Y.), 1978. – P. 147-164; *Hammond N.G.L.* A History of Greece. – Oxford, 1959. – P. 442-456.

⁵ *Bruce I.A.F.* Internal Politics and the Outbreak of the Corinthian War // *Emerita*. – №28. – 1960. – P.75-86; *Lendon J.E.* The Oxyrhynchus Historian and the origins of the Corinthian war // *Historia*. – Wiesbaden, 1989. – Bd. 38. Hft. 3. – P. 300-313; *Westlake H.D.* Spartan intervention in Asia, 400—397 B.C. // *Historia*. – Wiesbaden, 1986. – Bd. 35. Hft. 4. – P. 405-426.

⁶ *Строгецкий В.М.* Истоки афино-спартанского соперничества в V в. до н. э. Совещание эллинского союза против персов на Самосе в 479/478 гг. // Проблемы политической истории античного общества / Отв. ред. Э.Д. Фролов. – Л., 1985. – С. 28-43; *Строгецкий В.М.* К оценке афино-спартанского соперничества в 70-ые годы V в. до н. э. // Проблемы социально–политической организации и идеологии античного общества / Отв. ред. Э.Д. Фролов. – Л., 1984. – С. 20-31; *Строгецкий В.М.* Особенности внешней политики Афин и Спарты в начальный период первой Пелопоннесской войны (460 – 455 годы) // ВДИ. – 1987. – № 2. – С. 37-50.

⁷ *Hamilton C. D.* Spartan Politics and Policy, 405 – 401 B. C. // *AJPh*. – Vol. 91. – 1970. – № 3. – P. 299.

⁸ *Ibid.* – P. 302-303.

⁹ *Parke H.W.* The Development of the second Spartan Empire (405 – 371 B.C.) // *JHS*. – Vol. 50. – 1930. – P. 50.

¹⁰ *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). — СПб., 2001. – С. 385.

¹¹ *Родс П.Дж.* Кому принадлежала власть в демократических Афинах // ВДИ. – 1998. – № 3. – С.25.

¹² *Hamilton C. D.* Spartan Politics and Policy, 405—401 B. C. ... – P. 303-304.

¹³ *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). – СПб., 2001. – С. 123.

¹⁴ *Залюбовина Г.Т.* Политическая борьба в Афинах в 403 – 387 гг. до н.э. // ВДИ. – 1975. – №2. – С.105.

¹⁵ *Bruce I.A.F.* Athenian Embassies in the Early Fourth Century B.C. // *Historia*. – Wiesbaden, 1966. — Bd. 15. Hft. 3. – P. 272.

¹⁶ *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики)... – С. 395.

¹⁷ *Bury J.B., Meiggs R.* A history of Greece to the death of Alexander the Great... – P. 338.

¹⁸ *Лурье С.Я.* Комментарий // Ксенофонт. Греческая история / Перев. С.Я.Лурье. – СПб., 1996. – С.328.

¹⁹ *Bockisch G.* Ἀρμόσται (431—387) // *Klio*. – Berlin, 1965. – Bd. 46. – S. 231.

²⁰ *London J.E.* The Oxyrhynchus Historian and the origins of the Corinthian war... – P. 303.

Резюме

Філіппов А.М. *Афіно-спартанські відносини в 404 — 395 рр. до н.е.*

В роботі здійснюється спроба аналізу афіно-спартанських зв'язків у 404 — 395 р. до н. е. як самостійного політичного феномена. На думку автора, Спарта проводила у відношенні до Афіні оптимальну політику, зміст якої полягав в тому, що спартанці і одночасно перешкоджали посиленню афінян, і використовували їх як військових союзників. В цілому афіно-спартанські відносини в цей період відрізнялися рідкою лояльністю. Але дисбаланс у відносинах між двома державами, що пояснювався величезною різницею політичних статусів Спарті й Афіні, та формування антиспартанської опозиції в Греції привели до розриву афіно-спартанських взаємин.